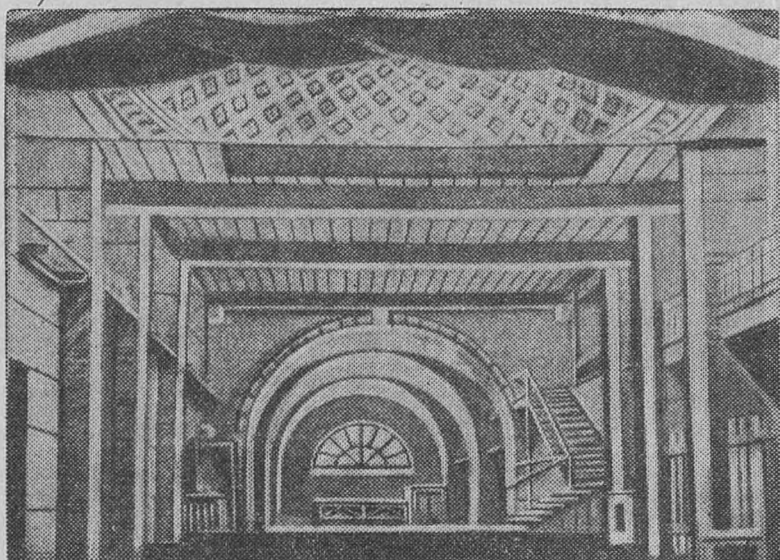

ДЕКОРАЦИИ ГОНЗАГО

П. Г. Гонзаго известен как архитектор, живописец и устроитель парков, но больше всего как театральный декоратор — единственный в своем роде. Около сорока лет — всю вторую половину своей жизни — этот выдающийся мастер проработал в России. Он создал замечательные произведения, заслужил признание массового зрителя и был избран почетным членом Академии художеств.

Венецианец по происхождению, Гонзаго сумел понять красоту северной природы, оценить ее задушевные пейзажи, о чем свидетельствуют устройство им Павловского парка, под Петербургом, и знаменитая в свое время, дававшая полную иллюзию действительности огромная декорация русской деревни, поставленная Гонзаго прямо под открытым небом, среди деревьев того же парка.

Из всех декораций его работы, которых было немало, до нас дошло только четыре комплекта — римский храм, малахитовый зал, тюрьма, таверна — и театральный занавес с перспективой многоколонного храма. Все они принадлежат подмосковному музею-усадьбе Архангельское, для театра которой были сделаны в 1818—1819 гг. наряду с восемью другими декорациями, варварски уничтоженными позднейшими владельцами усадьбы, не ценившими и не понимавшими этих произведений искусства.

Недавно художник А. Корин закончил реставрацию уцелевших работ Гонзаго, что представляет немалый интерес, так как нигде больше, как и на родине последнего, в Италии, ни одной декорации этого мастера не сохранилось.

В декорациях Гонзаго поражают исключительная реальность и замечательное пространственное построение: художник умел создавать на плоскости обманывающую глаз объемность и почти бесконечную глубину, полную света и воздуха.

Вот перед вами зеленый с золотом малахитовый зал; по аллее его колонн можно уйти далеко за пре-

делы театра; вот скромная таверна, под арками которой можно пройти туда — к полукруглому окну и сесть за стол, или, если хотите, полюбоваться на толстого кота, что взобрался на шкаф, у первой арки, и сверкает оттуда желтыми глазами.

Не пытайтесь, однако, это сделать: ни колонн, ни арок, которые кажутся столь реальными, на самом деле не существует, — перед вами просто раскрашенный холст. Нет и занятого кота, а если он сверкает глазами, как живой, то лишь потому, что позади, за прорезанным на месте глаз холстом, качается зажженный фонарик.

Гонзаго был первоклассным мастером перспективы и умел распоряжаться ею. Основой его работы служили линейное построение и расчет. Гонзаго мог бы сказать о себе: «Поверил я алгеброй гармонию», но математика была только помощницей в его живом искусстве, а краски облекали перспективные построения художника в радующую глаз реальность.

Сохранившиеся декорации имеют 130-летнюю давность и на своем веку испытали многое. Их реставрация заключалась, главным образом, в восстановлении утраченных кусков, отдельные из которых достигали 24 квадратных метров, и в очистке от загрязнения.

Это была большая и сложная работа. На недостающие куски сначала делались эскизы, затем картоны в натуральную величину, и только после этого по картонам расписывались соответствующие куски подшитого к декорациям холста. Очистка же от пыли и грязи производилась тестом из белой муки с примесью спирта.

Реставрация велась под наблюдением академика И. Э. Грабаря.

Весной, после ремонта машинной части сцены, декорации украсят театр Архангельского, который построен по проекту того же Гонзаго.

Бор. Минов.

НА СНИМКЕ: декорация Пьетро Гонзаго «Таверна».